

**Терпиловский
Ростислав Всеволодович**

Киев

Доктор исторических наук,
профессор, заведующий
кафедрой археологии и
музееведения Киевского
национального университета
им. Тараса Шевченко.

адрес

Билинская Лариса Ивановна

Сумы

Инспектор археологического
надзора Сумской области
ГП НИЦ «Охранная
археологическая служба
Украины» ИА НАН Украины

адрес

Трупосожжение знатного воина рубежа эр на Сейме

Памяти К. В. Каспаровой,
Е. В. Максимова и М. Б. Шукина

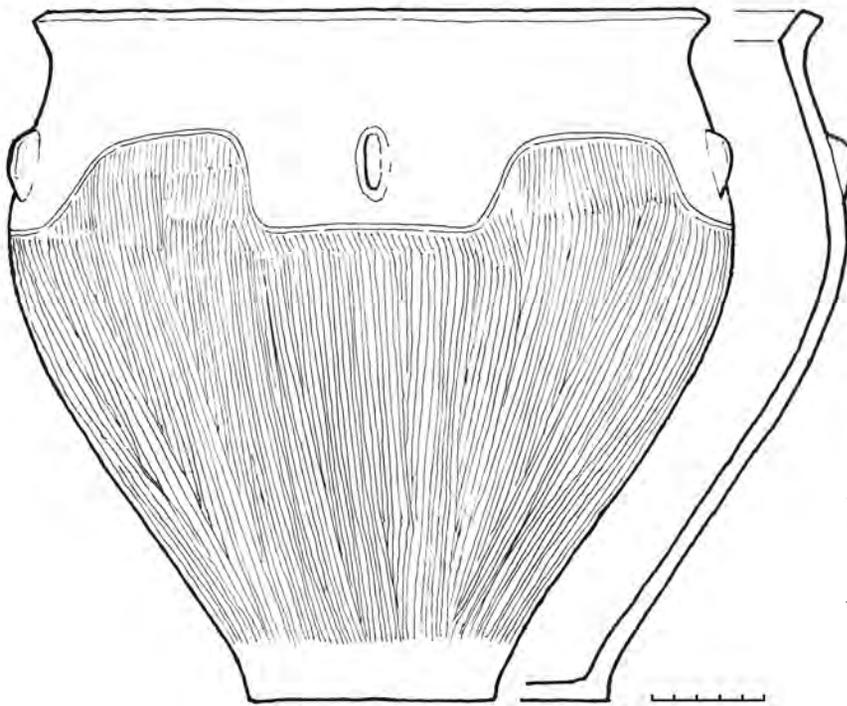
Погребение было случайно обнаружено в конце 2009 г. на правом берегу р. Сейм между селами Мутин и Камень Кролевецкого района Сумской обл. Украины. Предметы, входившие в инвентарь погребения, были переданы в Кролевецкий краеведческий музей. По словам нашедших погребение, все вещи были помещены в керамический сосуд, стоявший вверх устьем. Венчик его был найден на глубине 0,15—0,2 м от современной поверхности. Внутри горшка находилась бронзовая ситула, доверху наполненная пережженными костями и накрытая умбоном. Среди костей обнаружены другие небольшие вещи: парные шпоры и фибулы, нож, части пояса или портупей и прочее. Согнутые меч и наконечник копья находились в глиняном сосуде вне ситулы (рис. 1; цв. вклейка: а, б).

В Сумском областном краеведческом музее, куда находки были переданы для фотографирования и предварительной реставрации, комплекс был исследован авторами публикации. Следует отметить, что кремация погребенного была неполной — значительная часть костей имела крупные размеры (до 10 см и более), частично сохранились позвонки, куски черепа, таза и длинных костей, эпифизы. Можно предположить, что вместе с телом на погребальный костер были также положены оружие и детали одежды — к некоторым изделиям

прикипели кальцинированные кости. Возможно, относительно невысокая температура, при которой проводилась кремация, обеспечила хорошую сохранность большинства вещей: железо покрылось тонким слоем окалины, защитившим изделия от коррозии. Благодаря этому в оформлении фибул, шпор, ножа, умбона заметен ряд деталей, как правило, не фиксируемых на предметах из черного металла. При этом вызывает восхищение мастерство древних кузнецов, проявившееся в высоком уровне стандартизации одинаковых деталей, качестве отделки мелких частей и кузнечной сварки.

Вместе с тем, не исключено, что после надлежащей реставрации удастся выявить новые особенности ряда изделий. Приведем первичное описание инвентаря погребения.

1. **Сосуд** керамический чернолощенный вазовидный, округлобокий с широким горлом, коротким, круто отогнутым наружу, утолщенным граненым венчиком и узким дном. Максимальное расширение корпуса приходится на верхнюю треть высоты. По плечу сосуд орнаментирован пролощенной круговой ломаной линией-«меандром», ниже которой поверхность покрыта вертикальными бороздками, нанесенными частым гребнем по лощеной поверхности. Выше «меандра» поверхность чернолощенная, как и придонная часть. На лощеных полях плечиков — пять симметрично расположенных выступов, вытянутых по вертикали. Изнутри подлощенная поверхность имеет более

Рис. 1. Мутин. Чернолощеный вазообразный сосуд.

Рисунок Р. В. Терпиловского

Abb. 1. Mutin. Das schwarze, eingeläutete terrineformige Behälter
 (Zeichnung von R. W. Terpilovskij)

светлый, местами пятнистый цвет. Керамическое тесто содержит примесь мелкого шамота. Стенки и дно относительно тонкие (0,7—0,8 см). Высота сосуда и диаметр венчика — около 30, диаметр в месте максимального расширения — 32, диаметр дна — 10,5 см (рис. 1; *цв. вклейка: а*).

2. **Ситула** изготовлена из тонкого бронзового листа, железные ушки прикреплены под венчиком двумя заклепками каждая. Верхняя часть сосуда имеет широкую горловину, отделенную четким перегибом от почти горизонтального плечика, нижняя — усеченно-конической формы. Концы железной дужки оформлены в виде головок уток (?). Толщина стенок и дна не превышает 1,5 мм. Высота ведерка — 22,5, диаметр венчика — 19, диаметр в месте максимального расширения — 22,7, диаметр слегка выпуклого дна — 15 см. Необходимо отметить, что до использования в качестве урны ситула немало послужила — в нижней части сосуда и на перегибе ко дну заметны две заплатки из бронзовых блях фигурной формы, прикрепленные одна тремя, вторая — четырьмя заклепками (рис. 2: 5).

Все описанные ниже вещи изготовлены из железа или стали (*цв. вклейка: б*).

3. **Меч** был согнут несколько раз. Концы клинка и рукоятки обломаны. Рукоять прямоугольного

сечения плавно переходит к широкому обоюдо-острому лезвию. В верхней части клинка заметно выступающее ребро жесткости. Длина сохранившейся части — 67 см, ширина клинка у рукоятки — 5,6, ширина в месте слома — 4,6 (рис. 2: 3).

4. **Фрагменты ножен.** Судя по сохранившемуся фрагменту в нижней части лезвия, меч был положен на погребальный костер в ножнах, сделанных из дерева, обтянутых снаружи тонкой железной бляхой и скрепленных поперечными железными стержнями. Бесформенные куски бляхи со следами дерева найдены также в заполнении глиняного сосуда. К верхней части ножен, очевидно, крепилась фигурная скоба длиной 7,6 см для продевания ремня (рис. 2: 3).

5. **Наконечник копья** был, как и меч, несколько раз согнут, втулка несколько сплющена. Втулка относительно узкая и короткая (ее длина — 7 см, внешний диаметр — 2,4) со сквозным отверстием для фиксации наконечника в древке, лезвие длинное и узкое, с максимальным расширением в нижней части. Вдоль лезвия заметно выступающее ребро жесткости. Общая длина наконечника — 51 см, максимальная ширина пера — 4 (рис. 2: 1).

6. **Вток копья** имеет коническую форму с двумя сквозными отверстиями для фиксации в древке. Внешний диаметр — 2 см, длина — 7,4 (рис. 2: 2).

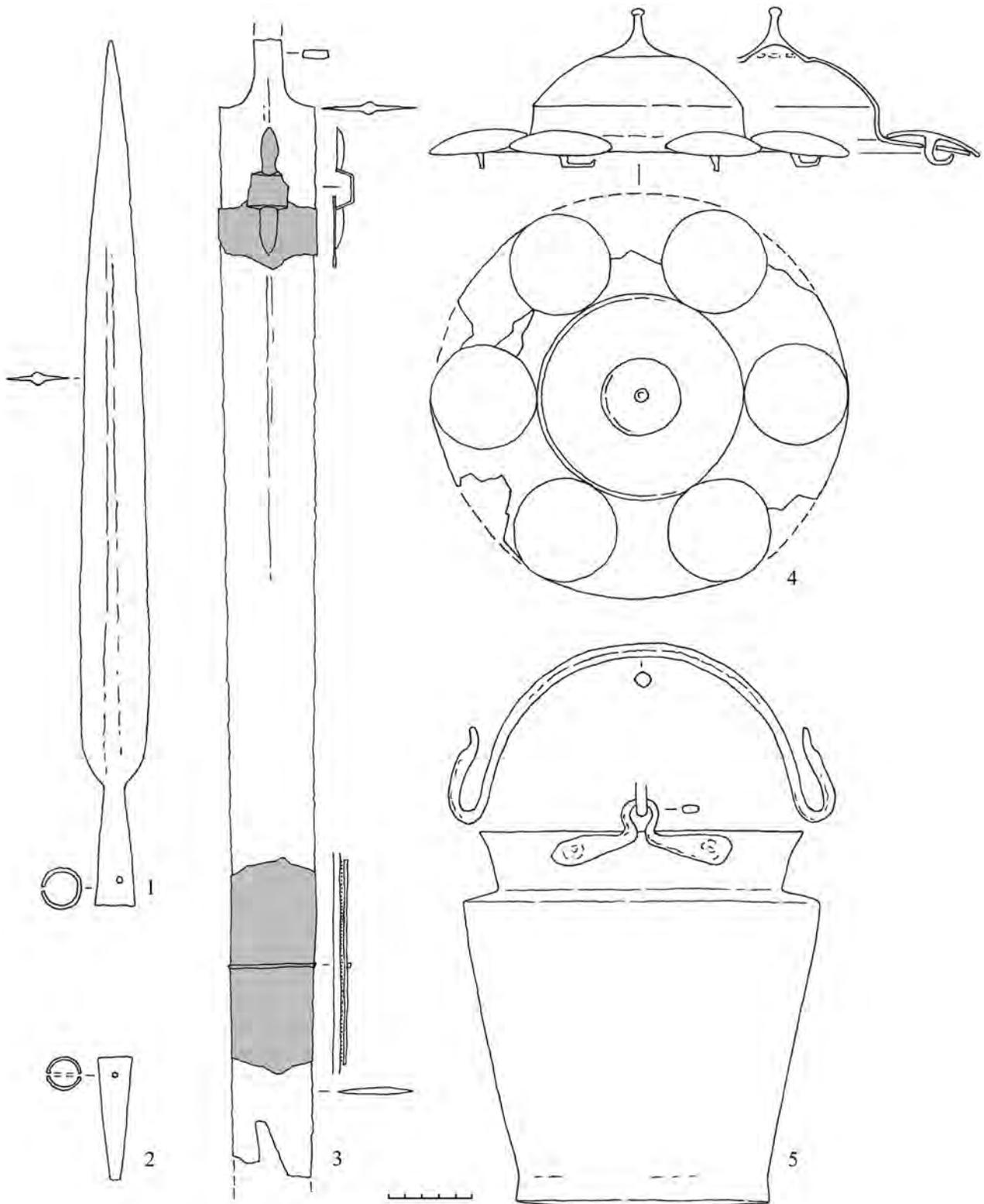

Рис. 2. Мугин. Металлические предметы: 1—4 — железо, 5 — бронза и железо. Рисунок Р. В. Терпиловского
 Abb. 2. Mutin. Die metallischen Funde: 1—4 – Eisen, 5 – Bronze und Eisen (Zeichnung von R. W. Terpilovskij)

7. **Умбон щита** имеет купол (калотту) средней высоты и широкие поля. Нижняя часть калотты цилиндрическая, отделена от выпукло-конической верхней четким ребром. Купол заканчивается невысоким сплошным закругленным на конце шипом. Умбон крепился к щиту шестью симметрично расположенными выпуклыми бляхами с крупными шляпками диаметром 6 см. Изготовлен из железного листа толщиной 1,5—2 мм. Купол и верхняя часть с шипом несколько более массивны — 3—3,5 мм. При переходе от верхней части к куполу изнутри заметно восемь заклепок. Очевидно, сначала верхняя часть фиксировалась с помощью заклепок, а уже затем окончательно крепилась кузнечной сваркой. Диаметр полей — 24 см, диаметр купола — 12, его высота — 5,6, высота шипа около 2 см (рис. 2: 4).

8. **Нож имеет** слегка изогнутую спинку и черенок, отделенный четкими уступами от лезвия. Вдоль спинки с обеих сторон лезвия — узкие бороздки. У основания клинка — фигурная железная муфта. Черенок, закругленный на конце, фиксировался в рукоятке заклепкой длиной 1 см. Общая длина ножа — 15,5 см, длина лезвия — 11,5, его максимальная ширина — 2 см, толщина спинки — до 3 мм (рис. 3: 10).

9. **Шпоры** парные (2 экз.). Каждая из них имеет длинный, слегка изогнутый шип ромбического сечения (5×7 мм) и дужку с двумя выпуклыми шляпками диаметром 2,8 см на концах. Дужки изготовлены из подграненного, на концах округлого (диаметром 5 мм) дрота. Ширина шпор — 6,8—6,9 см, длина шипов — 3,6—3,7 (рис. 3: 7, 8).

10. **Фибулы** парные (2 экз.) одночастные позднелатенской схемы с рамчатым приемником и нижней тетивой. Игла, пружина и корпус каждой застёжки изготовлены из округлого в сечении дрота диаметром 4 мм в средней части, сужающегося до 2 мм к пружинам и ножкам. Спинки украшены поперечными валиками: в одном случае — одинарным, в другом — фигурным тройным. Ниже валиков корпус фибул в сечении слегка подгранен. Приемники вверху украшены поперечными выступами, а в одном случае кроме того — мелкими насечками. Длина фибул соответственно — 7,8 и 7,9 см, длина приемников — 2,5 (рис. 3: 1, 2).

11. **Застёжка** от пояса или портупей для подвешивания ножен меча в виде овала с двумя отростками и вертикальным выступом между ними. Массивное кольцо имеет ромбическое сечение (7×8 мм), высота вертикального выступа со шляпкой 1,1 см. Ширина застёжки — 3,1 см, длина — 4,4 (рис. 3: 6).

12. **Кольца** для подвешивания ножен меча (2 экз.) изготовлены из массивного прута, форма которого в сечении близка к ромбической (8,5×11,5 мм). Вдоль внешних граней — кольцевые бороздки. Внешний диаметр колец соответственно около 3,7 и 3,4 см (рис. 3: 4, 5).

13. **Предмет в виде цилиндра**, закрытого с одного торца сплошной крышкой. Сквозь нее внутрь предмета продет стержень. Открытый конец цилиндра украшен кольцевыми бороздками. Диаметр крышки — 1,9 см, диаметр открытого конца — 1,6, высота цилиндра — 2,45. Можно предположить, что предмет использовался для закрепления на конце рукояти ножа или иного инструмента (рис. 3: 9).

Проведем поиск аналогий для определения культурно-хронологической принадлежности данного комплекса. Погребальный обряд находит ближайшие соответствия среди таких латенизированных культур северо-западного круга, как пшеворская и оксывская. Именно для них характерны кремации, сопровождаемые ритуально погнутым или поломанным оружием. Наличие оружия в трупосожжениях в целом не типично для еще одной латенизированной культуры — ясторфской, за исключением так называемой группы Крагхеде (Щукин, 1994, с. 104—107).

Считается, что «убитые» предметы вооружения начинают помещать в могилы носителей указанных культур под влиянием кельтского погребального обряда. В целом как отдельные экземпляры, так и наборы разнообразного оружия отмечены примерно в двухстах пшеворских и ста оксывских погребениях предримского времени (Łuczkiiewicz, 2006). Наиболее восточные (географически близкие к рассматриваемому комплексу) находки пшеворского типа зафиксированы в верховьях Днестра (Smiszko, 1932). Среди них особый интерес представляет небольшой могильник Гринев, функционировавший в период от Латена

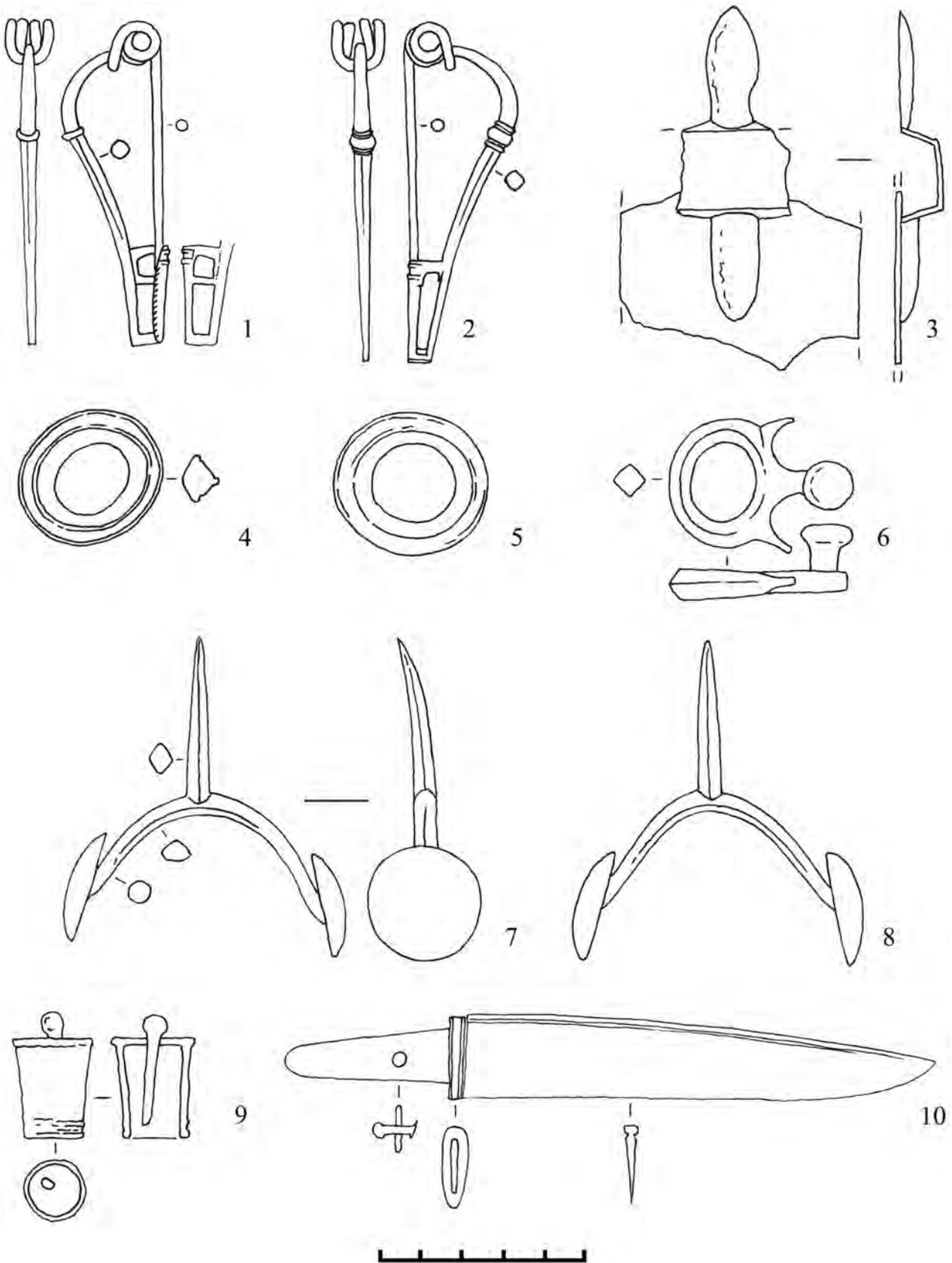

Рис. 3. Мутин. Железные предметы (1—10). Рисунок Р. В. Терпиловского
 Abb. 3. Mutin. 1-10 – metallischen Funde (Zeichnung von R.V. Terpilovskij)

106 | D₂ — D₃ до стадии B₂ раннеримского времени. Так, погребение 3 этого могильника (трупосожжение в крупном гончарном кувшине) сопровождалось в числе прочих вещей фибулой типа A67, поломанными мечом с ножнами, наконечником копья, боевыми ножами, умбоном и шпорой (Козак, 1984, с. 86, 87, рис. 37: 4—8; 38; 43; 44: 3). Исследователь датировал этот комплекс началом раннеримского периода — 40-ми годами (Козак, 1984, с. 37).

Обратим также внимание на те погребения с оружием, где в качестве урн для кальцинированных костей использовались бронзовые ведерки. На территории Польши отмечено около десяти пшеворских и оксывских погребений подобного типа¹.

Именно среди пшеворских материалов в первую очередь следует искать аналогии вещам из погребения с целью установления его датировки. Наиболее важные из датирующих вещей — парные позднелатенские фибулы с ажурными ножками, распространенные в комплексах латенизированных культур позднего предримского периода (ясторфская, пшеворская, оксывская, поянешти-лукашевская, зарубинецкая). Аналогичные застежки принадлежат к типу N (с нижней тетивой) по Ю. Костжевскому (Kostrzewski, 1919) или к группе 3 — фибулы «позднелатенской» схемы с рамчатой ножкой по классификации А. К. Амброза (1966, с. 22, 23). Типология Ю. Костжевского неоднократно модифицировалась. Так, С. П. Пачкова определяет данные экземпляры как тип N16, отличительные признаками которого — проволочная слабо прогнутая спинка (2004, с. 21—23). Аналогичные застежки присутствуют в комплексах зарубинецкой культуры, которые датируются фазами D₂ и D₃.

По мнению Т. Домбровской, фибулы типа N типичны для пшеворской культуры второго горизонта фазы A₃, синхронной Латену D₂ и D₃, причем наиболее поздними считаются экземпляры значительных размеров и с ажурными ножками (как фибулы из Мутина). В целом Т. Домбровска датирует второй горизонт этой фазы предпоследним десятилетием I в. до н. э. — началом второго десятилетия I в. н. э. (Dąbrowska, 1988, s. 61, 62).

¹ Пользуемся случаем выразить благодарность доктору Петру Лучкевичу (Университет Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша) за оказанную помощь и консультацию.

Бронзовая ситула как по общей форме, так и по способу крепления железных ушек и дужки наиболее близка ведеркам типа E.22, которые Г.-Ю. Эггерс относит к позднелатенскому времени (Eggers, 1955, Taf. 4: 22). Сосуды этого типа немногочисленны на территории европейского Барбарикума и не известны на памятниках пшеворской и оксывской культур.

Набор оружия и воинского снаряжения из трупосожжения в целом характерен для финала предримского времени. Несмотря на обломанные острие и конец рукояти меча, по таким основным характеристикам, как размеры, профиль клинка и рукояти его можно отнести к типу I/2b (Łuczkiwicz, 2006, s. 20, 21). Наконечник копья с очень длинным и узким пером и короткой втулкой по типологии того же автора принадлежит к типу L/2 (Łuczkiwicz, 2006, s. 76, 77). Впрочем, судя по многочисленным находкам, происходящим с территории Польши, мечи и копья подобных типов использовались довольно долго — на протяжении фаз A₂ и A₃. Умбон отличается рядом деталей от основных типов предримского и раннеримского времени. Более всего по основным признакам (форма калотты, крупные бляхи, невысокий сплошной шип) он напоминает умбоны типа 10 (Bochnak, 2005).

Шпоры относятся к подгруппе A по классификации Е. Гинальского, который датируется поздним предримским временем (Ginalski, 1991, s. 55, 56). Аналогичные изделия происходят, в частности, из пшеворских комплексов в Гриневе и Веселках. К ним в целом близки находки из поселений зарубинецкой культуры Оболонь (Луг 4) и Монастырек. Отметим, что парные шпоры в погребениях пшеворской и оксывской культур встречаются сравнительно редко — в семи и четырех погребениях соответственно (Łuczkiwicz, 2006, s. 90).

Застежка «с крылышками» близка к изделиям типа K.49 (Kostrzewski, 1919, rys. 49). Предполагается, что такие застежки (как и массивные кольца) использовались в поясах или портупях для подвешивания мечей на протяжении длительного периода — от рубежа фаз A₁/A₂ до конца предримского времени (Dąbrowska, 1988, s. 30).

Таким образом, сумма хронологических индикаторов позволяет достаточно точно датировать погребение финалом предримского времени

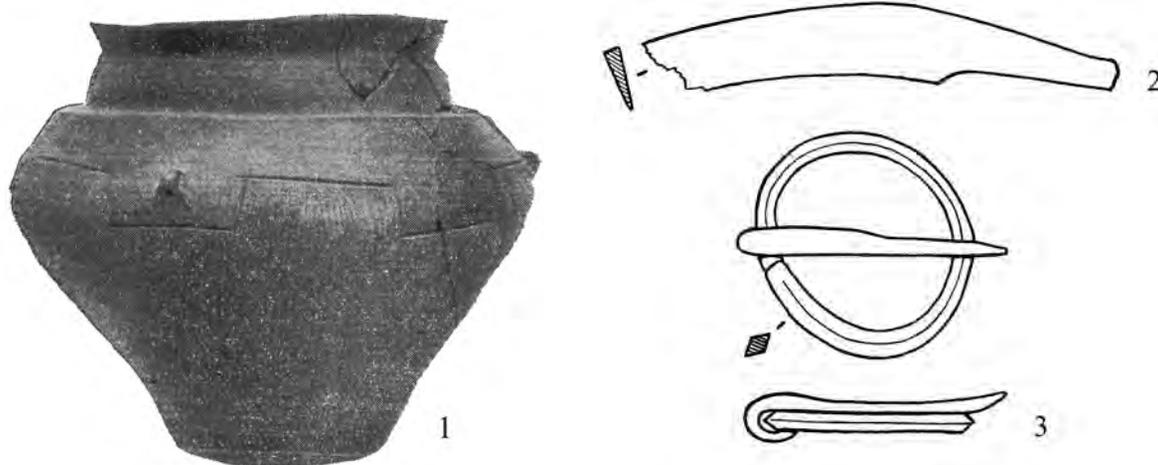

Рис. 4. Комплекс погребения из Пересыпок (Кухаренко, 1970)

Abb. 4. Grabkomplex von Peresyepki (Kuharenko, 1970)

(концом фазы A_3) или рубежом предримского и началом раннеримского времени (A_3/B_1), другими словами, рубежом н. э.

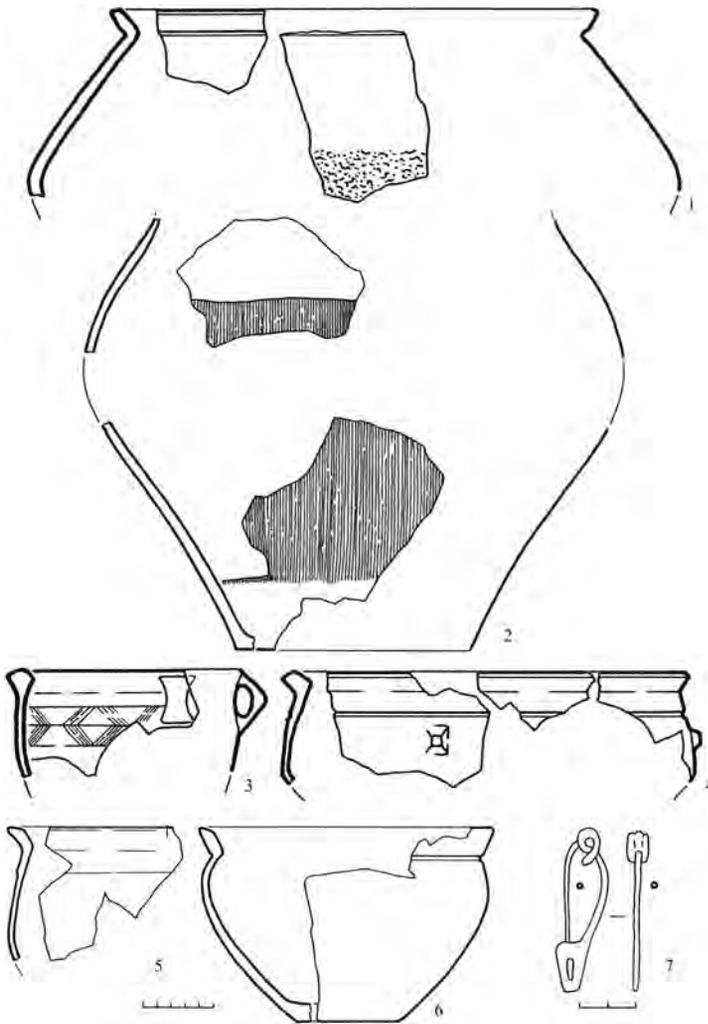
В отличие от металлических предметов, имеющих многочисленные параллели среди древностей Центральной Европы, поиски аналогий сосуду-урне представляют наибольшие трудности. Хотя его общее сходство (как по форме, так и по орнаментальным композициям) с керамикой северо-западного круга не вызывает сомнений, близкие аналогии нам не известны. В качестве более отделенных аналогий можно указать сосуды из погребений ясторфской культуры в Майсдорфе и Цигельсдорфе (Müller, 1985, S. 208—226, *Tabl. 5: 8; 23: 10*).

В этой связи необходимо обратиться к материалам погребения у с. Пересыпки, случайно обнаруженного на правом берегу Сейма недалеко от Путивля еще в 1936 г. и опубликованного Ю. В. Кухаренко (1970)². Комплекс включал небольшой вазообразный горшок-урну с кальцинированными костями, пряжку и нож (рис. 4). Исследователь в качестве аналогий урне привел ряд находок среди таких культур позднелатенского времени, как оксывская, ясторфская и пшеворская, допуская, что подобные по форме сосуды встречаются и позднее. В конечном итоге, пытаясь

сузить круг поисков, Ю. В. Кухаренко определил комплекс как памятник типа Брест—Тришин и датировал концом I—II в. н. э. (1970, с. 34), с ним согласился М. Б. Шукин, который отнес трупосожжение из Пересыпок к вельбаркской культуре периода B_2/C_{1a} хронологии римского времени (Szczukin, 1981, с. 136), придерживаясь этой точки зрения и в дальнейшем (Шукин, 1994, с. 247; 2005, с. 105, 106). Его поддержала и К. В. Каспарова, приведя ряд аналогий форме и системе орнаментации горшка из Пересыпок, не вполне, правда, близких (1989, с. 278—280). Один из авторов настоящей статьи также высказался по этому поводу, сославшись на мнение Е. Окулича о том, что данный сосуд может быть близок керамике нидицкой группы пшеворской культуры (Терпиловский, 1989, с. 232).

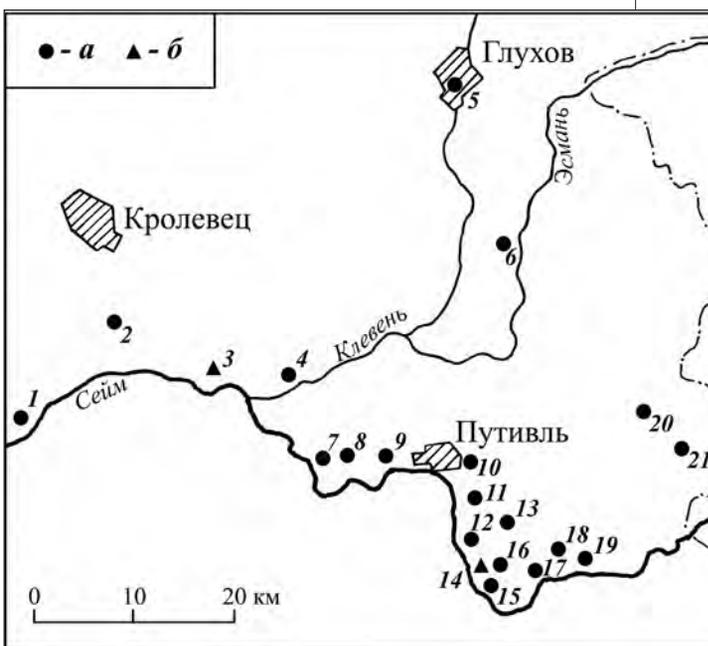
Ситуация изменилась после того, как в начале 1990-х годов А. М. Обломским и Р. В. Терпиловским была проведена разведка в среднем течении Сейма, выявившая ряд памятников позднелатенского времени, подобных известному с конца 1940-х годов по работам Д. Т. Березовца поселению у с. Харьевка (Максимов, 1972, с. 54, 55). Всего (с учетом данных предшественников) было зафиксировано 19 памятников «типа Харьевка». На поселениях Красное 4, Чаплищи 3, Пересыпки 1 и Литвиновичи 3 в 1991—1992 гг. были проведены раскопки. Очевидно, возле поселения Пересыпки 1 и было в свое время найдено погребение,

² Наши попытки найти вещи из погребения в Пересыпках в фондах Путивльского краеведческого музея, предпринятые в начале 1990-х годов, к сожалению, не увенчались успехом.

Рис. 5. Образцы керамики второй группы (северо-западного происхождения) из памятников типа Харьевка и железная фибула: 1, 3—6 — Красное 4; 2, 7 — Литвиновичи 3.
 Рисунок А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского

Abb. 5. Die Keramikmuster der zweiten Gruppe (nordwestlichen Herkunft) aus den Fundorten von Charjevka-Gruppe und eiserne Fibel: 1, 3–6 – Krasnoe-4; 2, 7 – Litvinovitschi-3 (Zeichnung von A. M. Oblomsky und R. W. Terpilovskij)

Рис. 6. Памятники типа Харьевка:
 1 — Любитово 2; 2 — Червоный Ранок; 3 — Мутин; 4 — Литвиновичи 3; 5 — Глухов; 6 — Баничи 3; 7 — Красное 4; 8 — Красное 2; 9 — Пруды; 10 — Путивль; 11 — Пешков; 12 — Харьевка; 13 — Калище; 14 — Пересыпки; 15 — Пересыпки 1; 16 — Пересыпки 2; 17 — Чаплици 3; 18 — Волинцево; 19 — Ивановка 1; 20 — Новая Слобода; 21 — Марьяновка.
 (Условные обозначения: а — поселения, б — отдельные погребения)

Abb. 9. Fundorten von Charjevka-Gruppe:
 а – Siedlungen, б – Einzelfunde.
 1 – Lubitovo-2; 2 – Červonyj Ranok; 3 – Mutin; 4 – Litvinovitschi-3; 5 – Gluchow; 6 – Banitschi-3; 7 – Krasnoe-4; 8 – Krasnoe-2; 9 – Prudy; 10 – Putivl; 11 – Peschkov; 12 – Charjevka; 13 – Kalische; 14 – Peresyпки; 15 – Peresyпки -1; 16 – Peresyпки -2; 17 – Čaplitschi-3; 18 – Volyntzevo; 19 – Ivanovka-1; 20 – Novaja Sloboda; 21 – Marjanovka

опубликованное Ю.В. Кухаренко. К сожалению, последовавший затем коллапс «бюджетной» археологии не позволил продолжить исследование этой интереснейшей культурной группы. Тем не менее основные результаты работ в Среднем Посеймье введены в научный оборот (Обломский, Терпиловский, 1994; Обломский, Терпиловский, 1994; Обломский, 2000).

На фоне зарубинецкой культуры памятники типа Харьевка выглядят весьма своеобразно. Будучи самым восточным ее локальным вариантом, они вместе с тем отличаются наиболее многочисленными и выразительными западными элементами. Своеобразие памятников типа Харьевка определяется в первую очередь характером керамического комплекса, который по происхождению можно разделить на две основные группы. Часть форм кухонных и столовых сосудов характерна для зарубинецкой культуры, прежде всего для ее среднеднепровского варианта, хотя встречается и керамика, имеющая общезарубинецкое распространение. Однако в контексте данной статьи особый интерес представляет посуда второй группы, связанная по происхождению с центральноевропейским культурным кругом, прежде всего с ясторфской и пшеворской культурами. Соотношение между этими двумя группами может быть различным. В Красном 4, например, центральноевропейская керамика разнообразнее, чем в Литвиновичах 3, а зарубинецкая представлена меньшим количеством типов. Хронология памятников типа Харьевка определяется в рамках существования всей зарубинецкой культуры (от рубежа III/II вв. до н.э. до начала н.э.) по фрагментам косских, родосских и синопских амфор, а также по находке железной фибулы позднелатенской схемы с рамчатым приемником (рис. 5), близкой застежкам из Мутина. Наличие двух компонентов в материальной культуре памятников зарубинецкого времени Среднего Посеймья свидетельствует о сложности этнического состава населения этого региона (Обломский, Терпиловский, 1994; Обломский, 2000, с. 152—154).

В связи с работами на памятниках типа Харьевка возникло предположение о связи с ними погребения из Пересыпок. Действительно, найденная там урна по стилю своего оформления (трехча-

стный венчик, орнамент в виде «меандра», прямоугольные налеты-шишечки, вертикальные мелкие расчески, нанесенные гребнем по лощеной поверхности) явно относится ко второй группе керамики Среднего Посеймья (Обломский, Терпиловский, 1994, с. 162, рис. 6—8). Фрагменты подобных сосудов известны, в частности, среди материалов поселения Литвиновичи 3 (Обломский, 2000, рис. 9: 2; 10: 4).

В свою очередь сходство сосудов из Пересыпок и Мутина не вызывает сомнений: их сближают общая форма, пропорции, граненый венчик, характер орнамента («меандр», вертикальные расчески, шишечки, лощеные верх и низ). Впрочем, имеются и отличия (на наш взгляд, второстепенные): урна из Пересыпок значительно меньше по размерам, в верхней части она имеет уступ, отсутствующий на сосуде из Мутина, количество шишечек разное (три на урне из Пересыпок и пять на сосуде из Мутина). В целом, вазообразные сосуды из Пересыпок и Мутина, несомненно, принадлежат одной традиции, связанной, очевидно, с памятниками типа Харьевка.

Бронзовая ситула, использованная в качестве урны, и полный комплект воинского снаряжения, включавший меч, копье, нож, щит и шпоры, найденные в рассматриваемом погребении, указывают на весьма высокий статус погребенного в социальной структуре местных племен. Очевидно, погребение этого могущественного вождя было совершено, повторимся, около рубежа н.э. Его этническая принадлежность с учетом деталей погребального обряда и характера сопровождающего инвентаря (в первую очередь оружия), скорее всего, может быть определена как германская.

Таким образом, в пограничье лесной и лесостепной зон Днепровского Левобережья в предримское время можно отметить ряд этнокультурных импульсов, связанных с западным кругом древностей. Их свидетельством являются находки коронообразных гривен в среднем течении Десны (Schcukin et al., 1992), один из компонентов культурной группы типа Харьевка, а также связанные с ним кремации из Пересыпок и Мутина в среднем течении Сейма (рис. 6). Каждое из этих явлений имеет отчетливые параллели среди памятников ясторфской и пшеворской культур.

Литература

- Амброс А. К., 1966.** Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. — IV в. н. э.). (САИ; Вып. Д1-30). Москва.
- Каспарова К. В., 1989.** Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур в Припятском Полесье // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. Т. II. Lublin.
- Козак Д. Н., 1984.** Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західном Побужжі. Київ.
- Кухаренко Ю. В., 1970.** Погребение у с. Пересыпки // *МИА*. № 176. Москва.
- Максимов Е. В., 1972.** Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев. Обломский А. М., 2000. Материалы зарубинецкого периода на поселении Литвиновичи 3 в Среднем Посеймье // *Stratum plus*. № 4. Кишинев.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 1994.** О связях населения Центральной Европы и востока Днепровского Левобережья в латенское и раннеримское время // *Kultura przeworska*. Т. 1. Lublin.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 1994.** Посейм'я у латенський час // *Археологія*. № 3. Київ.
- Пачкова С. П., 2004.** Пути формирования фибульного комплекса зарубинецкой культуры // *Археологія давніх слов'ян*. Київ.
- Терпиловский Р. В., 1989.** К проблеме контактов киевской и вельбарской культур // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. Т. II. Lublin.
- Щукин М. Б., 1994.** На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. Санкт-Петербург.
- Щукин М. Б., 2005.** Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. Санкт-Петербург.
- Bochnak T., 2005.** Uzbrojenie ludności kultury przeworskiej w młodszym okresie przedrzymskim. Rzeszów.
- Dąbrowska T., 1988.** Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia – zasięg – powiązania. Warszawa.
- Eggers H.-J., 1955.** Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // *JRGZM*. Jg. 2.
- Ginalski J., 1991.** Ostrogi kabłąkowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // *Przegląd Archeologiczny*. 38. Poznań.
- Kostrzewski J., 1919.** Die ostgermanische Kultur der Spätlatenzeit // *Mannus-Bibliothek*. № 18–19. Leipzig; Würzburg.
- Łuczkiwicz P., 2006.** Uzbrojenie ludności ziem Polski w młodszym okresie przedrzymskim. (*Archaeologia Militaria*; II). Lublin.
- Müller R., 1985.** Die Grabfunde der Jastorf- und Latènezeit an unterer Saale und Mittelelbe, Veröffentl. Landesmus. Vorgesch. Halle 38. Berlin.
- Szczukin M. B., 1981.** Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska. // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk.
- Szczukin M. B., Valkova T. P., Shevchenko Yu. Yu., 1992.** New finds of «Kronenhalsringe» in the Chernigov region Ukraine and some problems of their interpretation // *Acta Archaeologica*. Vol. 63. Kobenhavn.
- Smiszko M., 1932.** Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wscodniej. Lwów.

Kriegerbrandgrab vom Jahrzehnte um Christi Geburt auf dem Fluss Sejm

Im Beitrag werden die Funde aus der einzigartigen Beerdigung analysiert, die in der Nähe des kleinen Ortes von Mutin (Bez. Krolevetz, Geb. Sumy) auf dem Sejm zufällig entdeckt. Zur Zeit werden die Funde im Heimatmuseum der Stadt Krolevetz bewahrt. In die keramische Urne waren die gebogenen Schwerte und die Spitze des Speers, sowie der von den kalzinierten Knochen ausgefüllte bronzene Eimer, unterbracht. Unter den Knochen befanden sich auch Fiebelpaar und Sporns, das Messer und die metallischen Teile des Degengehänges. Der situlaförmigen Eimer war durch Schildbückels bedeckt. Waffensatz und Grabsitte, das die gebogenen Gegenstände der Ausrüstung aufnahm, finden die nahen Analogien zwischen Brandgräber solche latenisirte Kulturen des Mitteleuropas wie Przeworsk- und Oksyw-Kultur. Die spätlatezeitliche

Fiebeln mit rahmenförmige Nadelhalter kann man in das Finale Latenzeit (die späte vorrömische Zeit nach der Terminologie der polnischen Archäologen), das heißt von der Grenze unserer Ära datieren.

Die Urne ist nach den Hauptmerkmalen dem Behälter aus Grab bei Peresypki (Kr. Putivl, Geb. Sumy) ähnlich. Die Herkunft und die Datierung dieses Komplexes ruft seit langem die belebten Diskussionen. Es ist, dass Brandgrab von Peresypki jetzt offenbar, wie auch Brandgrab von Mutin, sind mit der lokalen kulturellen Charjevka-Gruppe verbunden. Wie haben die Ausgrabungen von A. M. Oblomsky und R. W. Terpilovskij des Anfanges 1990 Jahre gezeigt, wird in der Fundorten von Charjevka-Gruppe die eigentümliche Kombination der Sarubinzy-Elemente und Merkmale des nordwestlichen Kreises (Jastorf- und Przeworsk-Kultur) beobachtet.